

ЦИКЛЫ ЕЛЕНА КОНДРАЦКОЙ

ДИВНЫЕ БЕРЕГА

У Ворона две жизни
Когда заканчиваются сказки
Клятвы мертвых птиц

Дикая птица

СНЫ ИСТОКА

Сон в тысячу лет
Колыбельная горы Хого
Восход над деревом гинкго

ЕЛЕНА
КОНДРАЦКАЯ

ДИКАЯ
ПТИЦА

ЧЕРНЫМ
БЕЛО
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К64

Иллюстрации на обложке и форзаце *hokori.tana*
Разработка серийного оформления *Кати Петровой*
Дизайн переплёта *Радия Фахрутдинова*

Кондрацкая, Елена Анатольевна.
К64 Дикая птица / Елена Кондрацкая. — Москва :
Эксмо, 2025. — 416 с.

ISBN 978-5-04-206638-2

Имя моё — Рогнеда, княгиня Чароградская. Я не знаю любви и нежности, зато хорошо знакома с нищетой и отчаяньем. Говорят, что я прекрасна, искусна и безжалостна. Что я околдовала царя, и он вот-вот назовёт меня своей женой. Что лишь один человек во дворце не верит мне.

Дарен, наследник престола.

Тот, кого я собираюсь убить.

Тот, кто может спасти меня от таинственного убийцы.

Охота на ведьму началась.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-206638-2

© Кондрацкая Е., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

1

ПОТЕРЯННОЕ ПРОШЛОЕ

— Прошу, княгиня, не убивай меня! — какой-то мужик валялся в ногах, пытался поцеловать носок кожаной туфельки. *Её* кожаной туфельки.

Кто это? *Она* огляделась по сторонам. Светлая комната со скруглёнными сводами. Деревянные стены, резные колонны и потолок расписаны цветами и птицами, вдоль остроконечных окон вился красный орнамент, похожий на сплетение рун. У дверей — две испуганных девицы, служанки. Одна звенела чашками и блюдами на подносе — так дрожали руки — и во все глаза смотрела на неё, другая мяла передник, вжав голову в плечи и глядя себе под ноги. Сердце гулко застучало, скручивая вокруг себя тугой узел страха.

— Клянусь, госпожа, в следующий раз я смогу убить царевича!

— Кого? — тупо спросила *она*, возвращая взгляд к мужику у ног.

— Прошу простить меня, госпожа, оговорился! Дурная моя голова! — взмолился он и возвёл на *неё* полные слёз глаза. Один карий, а второй мутный,

6 белый — слепой. Бородатое, совершенно чужое лицо, на шее чернели руны, которые отчего-то казались смутно знакомыми. — Не царевича — червя земляного, который и мизинца твоего не стоит. Не прикажи казнить, госпожа!

Что несёт этот человек? *Она* снова осмотрелась. И как *она* здесь оказалась? И где — здесь? Последнее, что помнила... *Она* застыла. В голове плыл мутный туман, такой же белый, как левый глаз незнакомца.

— О, моя госпожа! Помилуй!

— А? — *она* вздрогнула. — Д-да. Всё в порядке. Не трогай мои ноги, пожалуйста.

Она попыталась высвободить ногу из лап мужика, но он не отпустил. Пошатнулась и едва не упала. Замахала руками, чтобы удержать равновесие, но туфелька предательски соскользнула с пятки, и *она* всё же рухнула на деревянный пол. Тяжелые височные кольца ударили по щекам.

— Госпожа моя, боги милостивые! Прошу, прости меня, не гневайся! — мужик схватился за подол её платья, пряча в вышитой золотом ткани бледное от ужаса лицо.

— Да не трожь меня! — крикнула *она* и со всей силы пнула мужика по лицу. Этот крик, этот жест вышли такими естественными, грубыми и властными, что *она* испугалась самой себя.

Мужик завалился на бок, прижимая ладони к кровоточащему носу.

— О, спасибо, моя госпожа, — промямлил он и тут же распластался в земном поклоне. — Я заслужил это. Моя прекрасная, жестокая госпожа Рогнеда...

— Что за чёрт... — пробормотала *она* в ужасе.

Не совсем соображая, что делает, кое-как натянула слетевшую туфлю, вскочила с пола и бросилась прочь из терема. Никто не попытался её остановить. Выбежала на улицу, на просторный двор и кинулась к высоким воротам. Где *она*? И самое главное: кто — *она*?

Она выскочила на мостовую, едва не угодив под телегу. Отшатнулась, напуганная копытами и бранью извозчика, и налетела на пышную женщину в сарафане. Та не удержала в руках корзину, и по мостовой покатались красные яблоки. Одно угодило точно под каблук, треснуло, и *она* вновь чуть не упала, но удержалась, схватив женщину за широкий рукав. Та вскрикнула и оттолкнула её, обругав. Пробормотав неразборчивые извинения, *она* попятилась и, развернувшись, помчалась по заполненным людьми улицам, не разбирая дороги. Бежала так быстро, будто хотела обогнать собственное сердце, которое билось в пятках, заходило от страха. Мелькали деревянные дома с резными наличниками, бабы в цветных юбках и мужики в лаптях, но ничего из этого не помогало ей вспомнить себя. Наоборот, круговерть недружелюбных взглядов сбивала с толку ещё больше.

Туфли били по мостовой, височные кольца — по щекам. Лента слетела с косы, и чёрные волосы тут же подхватил ветер. *Она* не заметила, как мостовая сменилась пыльной тропой, а затем — высокой травой по пояс. Когда же *она* успела покинуть городские стены?

Эта мысль заставила остановиться. Тяжело дыша после долгого бега, *она* посмотрела на свои руки. Они дрожали. На пальцах блестели золотые

8 перстни. Два на указательном и среднем пальцах правой руки. Один — на безымянном пальце левой. Все три — с крупными красными камнями.

Она огляделась. Трава шумела, ходила волнами, будто беспокойное зелёное море, вдалеке виднелась лесная опушка, а посреди поля беспокоилась одинокая ива. Ветер путал и длинные ветви ивы, которые почти касались земли, и её волосы. *Она* перехватила чёрную прядь, блестящую и юркую, как змея, и убрала за ухо.

«Я здесь уже была?» — засомневалась *она* с мгновение и двинулась к иве.

Приблизившись, протянула руку к нежным, но сильным ветвям. Ива зашептала листвою, будто в ответ на безмолвный вопрос, и в груди что-то шевельнулось, теплом укутывая сердце, но туман тут же обдал его влажным холодом, не позволяя воспоминанию пробудиться. Кожа покрылась мурашками, а в висках загудело.

Не сразу *она* заметила под деревом тёмную фигуру. Слишком поздно, чтобы повернуть назад.

— Рогнеда! — взревела фигура мужским голосом.

Она испуганно попятилась. Это он ей?

Из тени вышел юноша. Высокий, статный, завёрнутый в алый плащ. Зелёные глаза смотрели недобро, тёмные волосы волнами обрамляли лицо. Левая рука лежала на рукояти меча.

— Прости? — выдохнула *она*. Прозвучало тихо и жалко.

— «Прости»? — наступал незнакомец. — У тебя хватило совести явиться сюда?

— Ты меня... знаешь? — спросила *она*, понимая, как глупо это звучит.

Юноша на мгновение замер, но тут же вновь перешёл в наступление.

— В игры играешь, ведьма? Думаешь, отца моего охмурила и мне голову задурить сможешь?

Туман в голове дёрнулся и сомкнулся ещё плотнее, напрочь отрезая от воспоминаний. В ушах зашумел осиный улей, а виски сдавило с новой силой. Она поморщилась, попятилась от его слов, схватилась за голову, стараясь унять боль.

— Послушай. Кажется, произошло досадное недоразумение, — она отчаянно пыталась удержать взгляд на юноше, но перед глазами всё плыло. — Боюсь, ты принял меня за другую...

Незнакомец усмехнулся и подошёл почти вплотную, ухватил её за подбородок и заставил посмотреть себе в глаза. Его дыхание обожгло щёки, и её сердце забилося тяжело и быстро, мешая дышать.

— Нет, ведьма, твои чёрные глаза ни с чем не спутать. Они, как болотная муть, тянут на самое дно.

— Пусти...

— Пусти моего отца.

Пальцы сжали подбородок сильнее, почти до боли. В висках замолотило, на глаза навернулись слёзы, земля уходила из-под ног, а сердце колотилось, будто сумасшедшее. Она вцепилась пальцами в ткань алого плаща.

— Я правда не понимаю, о чём ты! — закричала она. — Я не помню. Я ничего не помню!

Юноша отпрянул. Мир перевернулся, словно попавшая в шторм лодка, и она провалилась во тьму.

«Рогнеда» — так назвал её незнакомец у ивы. Рогнеда — имя отзывалось тишиной внутри. А в устах незнакомца и вовсе звучало как ругательство. Туман всё ещё витал в голове, не подпуская её к собственной памяти. Впрочем, пелена будто стала немного тоньше и заполняла пространство клочками, оставляя небольшие просветы. Но разглядеть, что в них прячется, она по-прежнему не могла.

Рогнеда открыла глаза и обнаружила себя в маленькой комнате, на узкой, пахнущей полынью кровати. Кроме кровати в этой каморке были лишь небольшой деревянный столик и окошко, за которым опускалось к горизонту красное солнце. Комната выглядела необжитой.

«Где это я?» — Рогнеда села в постели. Уже дважды она приходила в себя в совершенно незнакомом месте.

«Отец всегда говорил, что так поступают только пьяницы да распутные девки», — промелькнуло в голове. Рогнеда охнула и попыталась ухватиться за эту мысль, перед глазами даже появился мутный образ высокого, широкоплечего мужчины с длинной чёрной бородой, но он тут же растворился в тумане, оставив после себя головную боль.

Дверь скрипнула, запуская в комнату сквозняк и чью-то тень. Вслед за тенью появился юноша. Тот самый, которого Рогнеда встретила у ивы.

— Очнулась? — сказал он сухо. — Если хорошо себя чувствуешь, можешь уходить.

— Послушай! — Рогнеда соскочила с кровати, едва не запутавшись в юбках своего тяжелого платья. — Я понимаю, что прозвучит это странно, но... я не помню, кто я. И... не знаю, кто ты.

Юноша посмотрел насмешливо. От этого взгляда внутри всё похолодело. Он явно не любил её, но почему? Что она ему сделала?

— Снова спектакль, ведьма? Надо было оставить тебя валяться в поле, а не тащить в дом. Ты бы так и поступила на моём месте.

— Я говорю правду! Что-то случилось со мной! С моей памятью! А ты обращаешься со мной так, как будто я последняя... злодейка!

Юноша наградил Рогнеду долгим колким взглядом, недоверчиво скользящим по её встревоженному лицу. Она не знала, что он увидел, но взгляд немного смягчился, в нём промелькнуло сомнение.

— Хочешь сказать, что ты всё позабыла? — впрочем, холод из голоса никуда не делся. — И не помнишь, кто я?

— Я даже не помню, кто я!

Юноша направился к Рогнеде, и она испуганно попятилась. Но юноша не остановился. Она отступала, пока не коснулась спиной холодного камня. Его ладонь впечаталась в стену у самого лица, и Рогнеда сжалась от страха, но не отвела взгляд. Юноша навис над ней, подобно хищнику, загнавшему наконец свою добычу в угол. Его лицо расколола пополам кривая улыбка. Словно он был рад видеть её такой... беспомощной.

«Ужасный человек...» — подумала Рогнеда, прижимая руки к груди, в тщетной попытке сдержать разогнавшееся сердце.

Юноша открыл было рот, но тут дверь распахнулась. Он молнией отскочил в сторону, вмиг оказавшись в противоположном углу комнаты.

— Рогнеда, солнце очей моих! Царица моего сердца! — к Рогнеде подлетел высокий мужчина в летах. В тёмной бороде и на висках вилась седина, на широких плечах, на расшитом золотом кафтане лежал алый плащ, голову венчал золотой обруч. Неужто царь? Зелёные глаза, окруженные трещинками морщин, смотрели с беспокойством и сочувствием.

Мужчина схватил Рогнеду за руки, заставив ещё сильнее вжаться в стену. Нос защекотал сладкий аромат мёда.

— Мне сказали, что ты лишилась чувств, луна моя, — он принялся осыпать влажными поцелуями её пальцы. — Скажи, как ты, родная? Тотчас прикажу прислать знахаря, а коли прикажешь — чародея, лучшего из Журавлей тебе вызову. Солнце моё, не смею надеяться, но может ли быть это от того, что ты в положении?

— Я в положении? — испуганно воскликнула Рогнеда, высвобождаясь из цепких рук царя. Ноги подогнулись, и пришлось привалиться к стене, чтобы не упасть.

— Я лишь предположил, звезда моя...

— Она ничего не помнит, — вмешался юноша. — Память отшибло напрочь.

— Дарен, сынок, что ты такое говоришь? — царь неловко рассмеялся, переводя взгляд с Дарена на Рогнеду и обратно. — Не шутка ли?

— Похоже, не шутка, отец, — Дарен скрестил руки на груди и отвернулся.

— Рогнеда, милая... — царь погладил её по щеке. — Ты и правда позабыла меня? Твоего возлюбленного Радомира? Твоего царя и повелителя?

Рогнеда слабо покачала головой, не зная, как быть. Больше всего на свете она хотела сбежать отсюда. Хоть Радомир, в отличие от Дарена, казался дружелюбным, всё её существо сжималось от страха, кричало об опасности, молило о спасении.

— О, любовь моя... — Радомир припал губами к её ладони. От прикосновения его губ по телу прокатилась волна отвращения, и Рогнеда едва сдержалась, чтобы не отдернуть руку.

— О, боги, оставьте эти неуместные нежности! — скривился Дарен. — Думаешь, твои поцелуи вернут ей память? Но может, и к лучшему, что эта ведьма наконец сбрендилась...

Радомир повернулся к Дарену так стремительно, что Рогнеда вскрикнула от неожиданности.

— Не смей так говорить о моей невесте! — прогрохотал он, наставляя на Дарена палец с тяжёлым золотым перстнем, а затем указал им на дверь. — Выметайся вон, щенок!

— Нет! — не зная почему, Рогнеда попыталась задержать Дарена, потянулась, чтобы ухватить его за рукав, но он стоял недосыгаемо далеко. Ей было страшно оставаться наедине с Радомиром. В отличие от Дарена, Радомир, похоже, любил её, но эта любовь заставляла сердце сжиматься в страхе больше, чем колкие взгляды Дарена.

Дарен не остановился, он даже не посмотрел на неё. Хлопнула дверь, и Радомир приобнял Рогнеду за плечи.

— Пойдём, солнце моё. Не бойся. Я прикажу прислать к тебе лучших Журавлей, они тотчас поставят тебя на ноги.

14 Радомир отвёл Рогнеду в просторные покои и прямо в платье уложил на широкую кровать. Эта комната разительно отличалась от той, где она проснулась. Красные стены расписаны золотыми цветами с голубыми маковками, на потолке — изображения незнакомых сражений. Большую часть комнаты занимала огромная кровать с балдахином, вышитым золотой нитью. У стены стоял огромный сундук, а на нём — три сундука поменьше. На полу лежал красный ковёр с золотым цветочным узором. У окна резной деревянный стол и стул. На столе книги, золотые кубки и кувшин. В чернильнице — золотое перо.

«Боги, да Радомир обожает золото», — подумалось Рогнеде, когда царь заботливо поправлял под ней подушки и накрывал одеялом, тоже расшитым золотой нитью.

Совсем скоро в покои пришёл обещанный Радомиром Журавль — миловидная девушка с длинной русой косой. Забавно, Рогнеда отыскала нужное воспоминание, едва увидев белый кафтан с голубой оторочкой: Журавли — чародеи-целители, которые служат в Вольской Гвардии. Были ещё Вороны — гвардейцы в черно-серебряных кафтанах, защищающие людей от нечисти, чернокнижников и тёмных ведьм. И Соколы — лучшие из лучших, элита Гвардии, облачённая в красное с золотом. Рогнеда поморщилась. Почему эти глупости она помнила, а остальное — нет?

— Я вызывал капитана Белаву! — Радомир в гневе ударил кулаком по столу. Рогнеда вздрогнула, а Журавль и бровью не повела. — А она прислала ко мне свою девицу? Это так ваш капитан относится к царской воле?

«Девица» поклонилась. На её румянном лице застыла вежливая улыбка. 15

— Прошу нас простить, царь-батюшка. Но Белавы сейчас нет в Даргороде. Она отбыла вместе с капитаном Атли по неотложным делам Гвардии. Я лучшая ученица капитана Белавы, и пока её нет...

— Как звать тебя? — грубо оборвал её Радомир.

На лице девушки промелькнуло удивление, но тут же исчезло, и она спокойно сказала:

— Аньяна, дочь Ратибора, твоего воеводы и верного друга...

— Аньяна? — тон Радомира заметно смягчился, на лице появилась заинтересованная улыбка. — А ты выросла, похорошела, сразу видно — в мать пошла. Что ж твой отец тебя прячет, красавицу-невесту? За такое преступление можно и голову с плеч, — Радомир хохотнул, разгладив усы.

— Полно тебе, царь-батюшка, не гневайся, отец меня не прячет. Вот давеча после пира мы с ним тебя навещали, на ноги тебя ставили, — тон её был безукоризненно вежливым, хотя за ним Рогнеда сумела расслышать что-то вроде неприязни. Радомир, впрочем, ничего не заметил. Он ударил себя по лбу и шутливо погрозил Аньяне пальцем.

— Помню-помню! Горьки были твои травы, плутовка! — он снова рассмеялся, взял со стола высокий золотой кувшин и плеснул в кубок мёда. Отпил два больших глотка, промокнул усы платком и спросил уже серьёзно: — Слышал, у вас в Гвардии командиры мрут как мухи. Скажи, Аньяна, следует ли царю беспокоиться?

Рогнеда непонимающе переводила взгляд с Аньяны на Радомира и обратно, силясь вспомнить

